

откуда взят, даже неизвестно, от кого исходит... и неизвестно, для чего приведен.

Работа, вероятно, осталась незаконченной и в предисловии издатели должны были это точно оговорить.

Проф. В. Н. Сторожев.

Проф. Ю. В. ЛОМОНОСОВ. Воспоминания от мартовской революции 1917 г. Стокгольм-Берлин. Издат-во не обозначено. 1921 г. Стр. 86.

Воспоминания Ю. В. Ломоносова кратки. Они охватывают лишь одну неделю — с 28 февраля, когда он, не подозревая значительности разворачивавшихся событий, готовил у себя дома в Царском очередную лекцию для Политехнического Института — по 6 марта, день сдачи А. А. Бубликовым, правой рукой которого был Ломоносов в эти дни, министерства путей сообщения «революционному министру» Некрасову. Но краткость не мешает быть им интересными и значительными, так как Ломоносов рассказывает о первых днях внутренней работы в захваченном путейском ведомстве, о торопливом овладении мозгом и всей нервной системой транспорта. Имеются в его воспоминаниях интересные эпизоды, связанные с передвижениями царского поезда, с движением на Петербург «георгиевских» эшелонов генерала Иванова, различных пертурбаций с документом об отречении, подписанным царем, попавшим в руки Ломоносова. Имеется также много любопытных деталей, живых и ценных зарисовок, случайных встреч с тогдашними «героями» дня, вождями кадетской партии. Верно подмечена растерянность и смущение их, очень живо запечатлена вообще кинематографическая, стремительная, нервная напряженность первых дней переворота. Историк, без сомнения, использует эту небольшую книжку, иллюстрированную несколькими сфотографированными документами.

Воздав должное содержанию воспоминаний, мы хотим сказать пару слов по поводу самого издания. Оно анонимно — имени издателей нет. Это было бы с пол-

беды, но к книжке вслед за великолепным портретом автора предпослано вступление «вместо предисловия» от имени этих самых анонимных издателей. И с анонимностью предисловия, пожалуй, можно было бы примириться, если бы оно не было написано в тонах самого неумеренного, «по-американски» развязного панегирика. Если издатели хотели оказать услугу автору воспоминаний, они оказали ему услугу не блестящую, так как их предисловия нельзя читать не поморщившись.

Такой же характер американской рекламы имеет и второе предисловие, предпосланное воспоминаниям, также анонимное (подписано: «коммунист»). Статейка этого анонимного коммуниста говорит о детальной осведомленности в событиях жизни Ломоносова не только в турецком периоде его жизни, когда, как можно предположить, анонимный коммунист работал вместе с Ломоносовым, но и в период американский, непосредственно предшествовавший революции. И так как рассказ свой анонимный автор сопровождает чрезвычайно точными хронологическими датами (приведен, так сказать, полный формулярный список трудов и заслуг проф. Ломоносова), то кажется временами, будто этот «коммунист» потому не захотел открыть своего имени, что писал статью под диктовку профессора Ломоносова, любезно поделившегося с ним весьма точным знанием своей собственной биографии. Оба «американских» предисловия на автора этих строк произвели неприятное впечатление. Возможно, конечно, что это дело вкуса, и смогут найти читатели которых этот именно «американский» прием и восхитит. Ну что ж. В таком случае автор этих строк навлечет на себя упрек в неумеренном пристрастии к элементарным требованиям литературной этики.

Вяч. Полонский.

А. КОЛЛОНТАЙ. Из моей жизни и работы. Всеукр. Госиздат. Одесса — 21 г. 55 стр.

Одесский губженотдел просил т. Коллонтай написать свою автобиографию, считая, что она может характеризовать

эпоху, в которой складывались деятели Великой Рабочей Революции.

«Идя навстречу этим просьбам,—говорит далее т. Коллонтай,—я считаю своим долгом составить этот бедный и далеко несовершенный очерк».

Т. Коллонтай в общем и целом довольна своим «беглым и далеко несовершенным очерком», ибо не только сдала его для печати в Одессе, но еще передала его в журнал «Пролетарская Революция». Но одесский губженотдел, по моему, в известной мере разочаруется. Он хотел получить характеристику эпохи в связи с деятельностью и жизнью т. Коллонтай, между тем книжка этому совершенно не удовлетворяет. В ней в хронологической последовательности сообщается, когда т. Коллонтай родилась, где училась, какие статьи в каких журналах печатала, какие книжки выпустила, когда была с меньшевиками и когда с большевиками, когда сидела в тюрьме и когда ее благополучно избежала, с какими «великими людьми» дружила и с кем не ладила, кто ее одобрял

и кто осуждал,—а затем идет перечень всех постов, которые она занимала, как она была наркомом и как ее неизменно выбирали в члены ВЦИК. Книжка скорее похожа на те автобиографии, которые сочиняются членами партии для комиссии по очистке партии, но не на характеристику эпохи, ибо никакая эпоха тут не представлена.

Кто эпоху эту и деятелей ее знает, тот по этому «беглому и далеко несовершенному» очерку может проверить правильность написанного. Кто эпохи не знает, ничего из этой брошюры поучительного и просвещающего не почерпнет. Пролетарки, обращаясь к т. Коллонтай, именно это имели в виду, и ей не следовало так небрежно и «бегло» писать то, что она писала, а издателям не следовало ее издавать, чтобы заставить т. Коллонтай выполнить свое обещание — дать характеристику эпохи в связи с своей в ней работой и не вводить в соблазн других деятелей писать такие «беглые» очерки.

А. Сольц.

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ.

Д-г WEULE. Vom Kerbstock zum Alphabet Urformen der Schrift. Stuttgart, «Kosmos», 1915.

Д-р Вейле. От бирки до алфавита. Первобытные формы письма. Штутгарт. 1915 г. Стр. 96.

Научно-популярные книжки д-ра Вейле, известного этнолога и путешественника, директора Лейпцигского музея Народоведения и профессора Лейпцигского университета, хорошо известны всем интересующимся этнологией; три из них вышли и в русском переводе. Поводом к появлению настоящей книжки послужила международная выставка книжного дела и графического искусства, бывшая в Лейпциге в 1914 г., в помещении Лейпцигского музея Народоведения. Музей и сам участвовал в этой выставке — устройством Отдела «Зачатки (Vorstufen) письма в первобытные времена и те-

перь». Отдел вышел очень поучительным и вызвал большой интерес к нему в публике. Многие посетители высказывали желание, чтобы существенное содержание этого Отдела составило предмет общедоступного изложения в особой книжке, чему Вейле и последовал в разбираемом сочинении.

Книжка делится на 8 глав: 1. Введение. 2. Сущность письма. 3. Замена письма (бирка и т. п.). 4. Рисунки для забавы и магические символы. 5. Культурный круг Средиземья: а) Замена письма. б) Финикийский алфавит. в) Доисторическое живописное письмо. г) Руны. 6. Остальные формы звукового письма в старом свете. 7. Суррогаты письма и образное письмо во внеевропейских странах. В заключении книжка иллюстрирована 42 рисунками, наглядно поясняющими изложение. Обладая обширными этнографическими сведениями, автор сопоставляет примеры из всех частей света и всех